

436
263

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Ф 1-
14730

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ

РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
НОВЫЙ САТИРИКОНЪ.
Петроградъ, Невскій 88.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДѢЛЪ I.....	3
ЭХО ЦЕРКВИ ФЕЛИЧЕ.....	4
ПИРАМИДА ХЕОПСА.....	7
АМЕРИКАНЕЦЪ.....	10
РѢЗНАЯ РАБОТА.....	12
ДРАМА ВЪ СЕМЬѢ БЫРДИНЫХЪ.....	14
ОТЧАЯННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. I.....	17
ПЕРВЫЙ АНЕКДОТЪ ОБО МНѢ.....	20
КАКЪ ЖЕНИЛСЯ ПОНАСЮКЪ.....	21
ОТДѢЛЪ II.....	25
ОКРУЖАЮЩИЕ НАСЪ.....	25
ЗНАТОКЪ ЖЕНСКАГО СЕРДЦА. I.....	26
РОКОВОЙ ВОЗДУХОДУЕВЪ.....	28
МАТЕРИНСТВО.....	30
ПРОФЕСІОНАЛЬ.....	32
ИСПОВѢДЬ, КОТОРАЯ ОБЛЕГЧАЕТЪ.....	35
КУСТАРНАЯ РАБОТА.....	38
ОТДѢЛЪ III.....	40
ТѢ, КОТОРЫЕ ДѢЙСТВУЮТЪ НА НЕРВЫ.....	40
ПРИБЪЖІЙ СЕЛЬДЯЕВЪ.....	40
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.....	43
ЧЕХОВІАНЕЦЪ.....	45
САМОНОВѢИШІЯ ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВѢ.....	48
ПЛАКУЧАЯ ИВА.....	50
РАЗСКАЗЪ О НИНОЧКѢ КРОХИНОЙ.....	53
ОТДѢЛЪ IV.....	55
ЛАСКОВЫЕ РАЗСКАЗЫ.....	55
СЕМЬ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.....	55
БЛИНЫ ДОДИ.....	57
СТРАШНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.....	60

ОТДѢЛЪ I.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

ЭХО ЦЕРКВИ ФЕЛИЧЕ.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ мы съ пріятелемъ сидѣли за столикомъ въ саду и, попивая теплое красное вино, глазѣли на открытую сцену.

Дождь, упорно стучавшій по крышѣ веранды, на которой мы сидѣли; необозримое снѣжное поле не занятыхъ никѣмъ бѣлыхъ столиковъ; рядъ самыхъ замысловатыхъ "номеровъ" демонстрировавшихся на открытой сценѣ; и, наконецъ, живительное теплое бордосское—все это настраивало нашу бесѣду на самый глубокомысленный, философическій ладъ.

Прихлебывая вино, мы дружно цѣплялись за каждое пустяковое обычное явленіе окружающей насъ жизни и тутъ же, сблизивъ носы, принимались его разсматривать самымъ внимательнымъ образомъ.

— Откуда берутся акробаты?—спросилъ мой пріятель, поглядывая на человѣка, который только что уперся рукой въ голову своего партнера и немедленно же поднялъ вверхъ ногами все свое затыкнутое въ лиловое трико тѣло.—Вѣдь просто такъ, зря, они же акробатами не дѣлаются. Почему, напримѣръ, ты не акробатъ или я не акробатъ?

— Мнѣ акробатомъ быть нельзя,—резонно возразилъ я.—Мнѣ рассказы нужно писать. А вотъ почему ты не акробатъ—я не знаю.

— Да я и не знаю,—простоудушно подтвердилъ онъ.— Просто не приходило въ голову. Вѣдь, когда въ юности предназначаешь себя къ чему нибудь, то акробатическая карьера какъ-то не приходитъ въ голову.

— А вотъ имъ же—пришла въ голову?

— Да. Дѣйствительно это странно. Такъ иногда хочется пойти за кулисы къ акробату и разспросить его—какъ это ему вздумалось сдѣлать карьерой—еже вечернее влѣзаніе на голову своему ближнему.

Дождь барабанилъ по крышѣ веранды, официанты дремали у стѣнъ, мы тихо бесѣдовали, а въ это время на сценѣ уже появился "человѣкъ-лягушка". Былъ онъ въ зеленомъ костюмѣ съ желтымъ лягушечьимъ брюхомъ и даже съ картонной лягушечьей головой. Прыгалъ, какъ лягушка—и, вообще, ничѣмъ отъ обыкновенной лягушки, кромѣ размѣра, не отличался.

— Вотъ возьми—человѣкъ-лягушка. Сколько ихъ, такихъ "человѣковъ—чего нибудь" бродитъ по свѣту:

человѣкъ-страусъ, человѣкъ-змѣя, человѣкъ-рыба, чело вѣкъ-каучукъ. Спрашивается: какъ всякій такой человѣкъ могъ добраться до рѣшенія—сдѣлаться человѣкомъ-лягушкой? Осѣнила ли его эта мысль сразу, когда онъ мирно сидѣлъ на берегу тинистаго пруда, наблюдая дѣйствія просто-лягушекъ... Или эта мысль постепенно, исподволь росла въ немъ и крыла.

— Я думаю—сразу. Осѣнило.

— А, можетъ быть, у него съ дѣтства было стремленіе къ лягушечьей жизни и только вліяніе родителей удерживало его отъ этого ложнаго шага. Ну, а потомъ... Эхъ, молодость, молодость! Потребуемъ еще одну, — хорошо?

— Молодость?

— Бутылку. А это кто, въ клѣтчатомъ пальто съ громадными пуговицами, въ рыжемъ парикѣ? Ахъ, экъ сцеатрикъ! Замѣть, у нихъ уже есть свои освященные временемъ пріемы, традиции и правила. Напримѣръ— эксцентрикъ долженъ быть непременно въ рыжемъ парикѣ. Почему? Богъ его знаетъ! Но это хороишій клоунскій тонъ. Затѣмъ—появляясь на сценѣ, онъ никогда не сдѣлаетъ ни одного цѣлесообразнаго поступка, Всѣ его жесты и шаги должны быть явно бессмысленны, обратко-пропорциональны здравому смыслу. Чѣмъ бессмысленнѣе - тѣмъ болѣе успѣхъ. Погляди: ему нужно закурить папиросу... Онъ беретъ палочку, третъ ее о лысину—палочка зажигается. Онъ закуриваетъ папиросу, а горящую палочку прячетъ въ карманъ. Теперь ему нужно погасить папиросу. Какъ онъ это дѣлаетъ? Беретъ сифонъ содовой воды и пускаетъ струю на тлѣющую папиросу. Кто въ действительной жизни зажигаетъ спички о голову и гаситъ папиросу съ помощью сифона? Онъ хочетъ разстегнуть пальто... Какъ онъ это дѣлаетъ? Какъ другіе люди? Нѣтъ! Онъ вынимаетъ изъ кармана громадные ножницы и отстригаетъ ими пуговицы. Смѣшно? Ты смѣешься? А знаешь, почему люди смѣются, глазѣя на это? Психологія ихъ такова: о. Боже, какъ глупъ этотъ человѣкъ, какъ онъ неуклюжъ!.. А вотъ я не такой, я умнѣе. Я зажгу спичку о спичечную коробку и разстегну пальто обычнымъ способомъ. Тутъ просто звучитъ замаскированная молитва фарисея; благодарю тебя, Господи, что я не похожъ на него.

— Богъ знаетъ, что ты такое говоришь...

— Да ужъ вѣрно, братъ, вѣрно. Жаль, что надъ этимъ никто не задумывается... Ну, вотъ посмотри: его партнеръ хочетъ его брить... Взялъ ведро съ мыльной водой, привязалъ его салфеткой за горло къ стулу, а потомъ нахлобучилъ ему ведро съ мыломъ на голову и, бьетъ, торжествуя побѣду, по его животу

кулаками и ногами. Смѣшно? Публика смѣется... А что если бы привести сюда старушку-мать этого рыжого съ ведромъ на голбвѣ; она, вѣроятно, и не знаетъ, чѣмъ занимается ея сынъ, ея дитя, котораго она укачивала на колѣняхъ, тихо цѣлуя розовыя пухлыя губки, глядя шелковистые волосики, прижимая мланденческій теплый животикъ къ своей многолюбящей материнской груди... А теперь по этому животу какой-то зеленощекій парень молотитъ своими ножищами, а съ пухлыхъ губокъ, измазанныхъ краской, стекаетъ мыльная пѣна, а шелковистыхъ волосиковъ нѣтъ—вмѣсто нихъ ужасные красные волосища... Каково это матери? Заплачетъ она и скажетъ:

Павликъ мой, Павликъ... На то ли я тебя растила, холила. Дитя мое! Да что же это ты съ собою сотворилъ такое?!...

— Во первыхъ,—категорически заявилъ я,—ничто не помѣшаетъ этому рыжему, если онъ, дѣйствительно, встрѣтитъ свою мать—заняться какой-нибудь другой болѣе полезной дѣятельностью, а во вторыхъ—ты, кажется, выпилъ вина больше, чѣмъ нужно.

Пріятель пожалъ плечами.

— Во первыхъ, этотъ парень уже ничѣмъ другимъ заняться не можетъ, а во вторыхъ, я выпилъ вина не больше, а меньше, чѣмъ нужно, — въ подтвержденіе чего могу тебѣ связно и толково рассказать одну дѣйствительную исторію, которая подтвердить мое я во первыхъ.

— Пожалуй,—согласился я,—подавай свою исторію.

— Эта исторія, сказалъ онъ торжественно—подтверждаетъ, что человѣкъ, который привыкъ стоять на головѣ, не можетъ уже стоять на ногахъ, и человѣкъ, который избралъ себѣ профессію лягушки — не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ лягушки—ни директоромъ банка, ни мануфактурнымъ приказчикомъ, ни городскимъ дѣятелемъ по выборамъ... Лягушка — останется лягушкой. Ну, вотъ:

Исторія итальянскаго слуги Джустино.

Какъ тебѣ извѣстно, а, можетъ быть, какъ тебѣ не извѣстно, я исколесилъ всю Италію вдоль и поперекъ. Признаться тебѣ—я люблю ее, эту грязную, лживую надувательскую Италію. Какъ-то разъ, шатаясь по Флоренціи, попалъ я во Фьезоле—этакое мирное идиллическое мѣстечко, безъ трамваевъ, шума и грохота.

Я зашелъ во дворикъ маленькаго ресторанчика, присѣлъ къ столику и, заказавъ какую то курицу, закурилъ сигару.

Вечеръ теплый, ароматный, настроеніе у меня прекрасное... Хозяинъ терся-терся около меня, очевидно, собираясь что-то спросить и не рѣшаясь—однако, на конецъ, рѣшился и спросилъ:

— А что, прошу извиненія—не нуженъ ли синьору слуга?

— Слуга? Какой слуга?

— Обыкновенный, итальянскій. Синьоръ, видно, человѣкъ богатый, и ему, вѣроятно, нужно, чтобы кто иибудь ему служилъ. У меня есть для синьора слуга.

— Да на кой дьяволъ мнѣ слуга?—удивился я.

— Ну, какъ же. Развѣ можно жить безъ слуги? Всякій баринъ долженъ имѣть слугу.

Признаться, мнѣ это соображеніе никогда не приходило въ голову.

— "А вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я.—Отчего бы мнѣ и не имѣть слуги? Въ Италиі я еще проброжу долго, а человѣкъ, которому можно взвалить на шею разныя мелкія хлопоты и дразги—очень бы меня облегчилъ"...

— Ладно,—говорю.—Покажите вашего слугу.

Привели... Парень здоровый, коренастый, съ ласковой улыбкой и предобродушнымъ выраженіемъ лица.

Потолковали мы пять минутъ, и въ тотъ же вечеръ я увезъ его во Флоренцію.

Со слѣдующаго дня и началась моя трагедія.

— Джустино!—сказалъ я утромъ.—Почему ты не почистилъ мнѣ ботинокъ?

— О, синьоръ! Я не умѣю чистить ботинокъ,—заявилъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ.

— Какой же ты слуга, если не умѣешь дѣлать такого пустяка! Сегодня же возьми урокъ у чистильщика сапогъ. А сейчасъ свари мнѣ кофе.

— Синьоръ! Осмѣлюсь заявить, что я не знаю, какъ варить кофе.

— Смѣешься ты надо мной, что ли?

— О, нѣтъ, синьоръ... не смѣюсь...—печально пробормоталъ онъ.

— Ну, а телеграмму сдать на почту ты съумѣешь? Заковать чемоданъ, пришить къ пальто пуговицу, побрить меня, приготовить ванну—сумѣешь?

И снова прозвучало грустное:

— Нѣтъ, синьоръ, не сумѣю. Я скрестилъ на груди руки.

— А что же ты умѣешь, скажи на милость.

— Будьте ко мнѣ, синьоръ, снисходительны... Я почти ничего не умѣю.

Во взорѣ его свѣтилась тоска и искреннее страданіе.

— Почти?! Ты говоришь "почти"... Значитъ, что иибудь ты умѣешь дѣлать?

— О, синьоръ! Да умѣю—но это къ сожалѣнію вамъ не нужно.

— Да что же это такое?

— О, не разспрашивайте меня... Мнѣ даже неловко сказать...